СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Сорок лет назад к нам, первокурсникам театральной школы при Московском театре Революции, вошел в аудиторию новый преподаватель. Он вошел неторопливой, ровной, почти нарочито вялой походкой, поздоровался и так же неторопливо, как вошел, сказал: «Меня зовут Григорий Нерсесович Бояджиев. Я буду преподавать вам историю западноевропейского театра». Он стал прохаживаться между рядами столов и, казалось, ни на кого не глядя, начал лекцию. Он был удивительно молод для учителя и так же удивительно мудр для своих почти юных лет. В то время Григорию Нерсесовичу исполнилось всего двадцать пять лет.

Молодой учитель ни на йоту не старался, что называется, завоевать авторитет,

слова его лились плавно, из одной ясной мысли вытекала другая — такая же ясная, за ней третья... Преподавателя не беспокоило, усваивают его рассказ слушающие или нет, видимо, он знал восточную мудрость: «Если ученик готов — учитель найдется». И не его это дело учить, а наше — учиться. Шумный класс притих, и, охваченные колдовским покоем учителя, мы сразу же превратились в послушных учеников. Я замечал, у некоторых преподавателей есть удивительное дарование — своим рассказом переносить слушателей в то время, в ту эпоху, в тот мир, о котором идет речь. Григорий Нерсесович обладал этим даром. И на первом же уроке мы попали в сказочный мир Древней Греции...

Короткий диалог после одной премьеры:

Я. Как вам понравился спектакль, Григорий Нерсесович?

Бояджиев. Пьеса слаба и постановка посредственная.

Я. Вы будете писать об этом спектакле статью?

Бояджиев. Нет. Автор пьесы тяжелобольной человек, и я писать отрицательный отзыв о его пьесе не могу. Это было бы бесчеловечно. Людей надо щадить.

Как мне кажется, Григорий Нерсесович больше всего любил театр эпохи Возрождения. И в нем самом, в Бояджиеве-человеке, было, казалось, что-то от этой эпохи. И талант, и энергия, и любовь к жизни. Во всей ее полноте! Он любил прекрасное и презирал всяческую мерзость. Он воздвигал прекрасное — это была его форма борьбы за красоту жизни. Воздвигал спокойно, упорно, с любовью. Он оставил после себя много учеников, чудесных статей и книг.

И еще одна фраза: он жил на редкость достойно. Я его знал только таким.

Виктор РОЗОВ

22 МАЯ 1974

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА